

Е Юй в этот момент ни о чём не думал. Он знал, что, выпив, начинает буйствовать, так как его разум становится пустым, и он действует лишь по наитию. Это погружало его в странное состояние, где остатки понимания меча, оставшиеся от прежнего Е Юя, всё ещё дремали в глубинах его сознания, ожидая, чтобы их пробудила энергия меча.

Энергия меча, исходящая от того человека, который семь дней стоял на коленях за пределами бамбукового моря школы Дунсянь, готовый отказаться от всего ради изучения меча.

Е Юй опустил веки. В состоянии инстинктивного движения его тело легко нашло идеальный баланс между мечом и человеком. Плечи расслаблены, локоть опущен, меч слегка наклонён, шаги чуть шаткие. Юноша, слегка опьянённый, двигался так, словно сила и энергия, подобные мягкому лунному свету, текли от его локтя к запястью, а затем, достигнув рукояти меча, превращались в острое, режущее движение. Лезвие меча рассекало воздух, издавая звонкий звук.

Он шатался, но его движения были настолько плавными и естественными, что казалось, будто он и меч стали единым целым.

В ушах Е Юя словно раздался далёкий звук флейты. Он не знал, была ли это галлюцинация или действительно кто-то играл на берегу. В этом состоянии он, словно в тумане, погрузился в ясное, пустое состояние, где меч следовал за его движениями.

Чао Минь сидел в лодке, совершенно трезвый. Звук флейты чётко доносился до его ушей, предупреждая о приближении врага. Он проигнорировал это. Е Юй, погрузившись в понимание меча, мог в любой момент впасть в демоническое искажение. Чао Минь размышлял, стоит ли позволить этому беспечному юноше утонуть в мечте и навсегда остаться безумной игрушкой, или же вернуть его и затем задушить. Е Юй был слишком нестабилен и легко поддавался искушениям. Чао Минь никогда не встречал такого глупца, который бы так легко впадал в демоническое искажение.

Е Юй, конечно, не осознавал, что, размахивая мечом, он оказался на грани опасности. Ему просто было очень комфортно, словно он освободился от земных оков и превратился в птицу, парящую в небесах. Его меч стал его крыльями, и чем выше он поднимался, тем больше радовался, шагая по лунному свету, словно по бамбуковым ветвям, и ему так хотелось спать.

— Вернись.

Внезапно низкий, властный голос раздался у него в ушах, заставив кончик меча дрогнуть. Но Е Юй не послушался. Для него не было сложно сопротивляться этому недружелюбному голосу. Лёгкий оттенок сна появился у него на лбу, словно свет заката на закате дня. Это был знак того, что семя внутри него начало прорасти.

Чао Минь использовал золотой лотос, чтобы подавить этот цвет и вернуть силу семени обратно в оболочку. Но сейчас, когда Е Юй погрузился в состояние меча, его жизненная сила снова пробудила семя.

Искусство меча школы Дунсянь изначально было вдохновлено бамбуковым морем — оно гнётся под ветром, но не ломается, черпая силы из весны и продолжая жить вечно. Поэтому Е Юй был идеальным сосудом, ведь его собственная энергия меча была подобна весне, постоянно питая тёмные силы.

Хотя Е Юй давно потерял остроту сердца мечника, его нынешнее пьяное состояние идеально соответствовало изначальной сути искусства меча школы Дунсянь. Это взаимодействие с такой силой разрушило барьер золотого лотоса и ускорило прорастание семени.

Чао Минь видел, что Е Юй уже на грани потери себя. Юноша всё ещё выглядел мило пьяным, и окружающие думали, что он просто размахивает мечом в своё удовольствие. Но Чао Минь знал, что этот глупец скоро взорвётся изнутри.

— Не знаешь, что такое смерть, — с лёгкой усмешкой произнёс Чао Минь, и в следующее мгновение на его пальце расцвёл великолепный золотой лотос. В то же время красная родинка между его бровями появилась из ниоткуда. Никто не заметил, как он оказался рядом с Е Юем, даже капитан лодки, наблюдавший за танцем меча. На глазах у всех юноша мягко коснулся спины Е Юя, и тот тут же остановился, словно пьяный, и упал, подчиняясь движению.

Те, кто не понимал, что происходило, подумали, что юноша просто держит пьяного, и продолжили ужинать, шутя друг с другом.

А человек с флейтой, сидевший на крыше лодки и носивший маску, видел, как его господин появился за спиной Е Юя и вдавил драгоценный золотой лотос в его позвоночник, уничтожая уже проросшее семя и снова запечатывая его в оболочку в даньтяне Е Юя.

Их господин уничтожал свою собственную силу. Человек с флейтой чувствовал, что небо вот-вот рухнет.

Е Юй, обессиленный, упал и сразу же заснул. Его голова лежала на коленях Чао Миня, лицо было спокойным и мирным, и никто бы не подумал, что этот человек только что был на грани демонического искажения.

Чао Минь опустил взгляд на него, их тени на палубе переплелись. В тени он вдруг медленно провёл рукой по лицу юноши, движение было невероятно нежным.

— Ты слишком непослушный.

Он прошептал это так мягко, словно говорил с возлюбленным.

Человек с флейтой, сидевший на крыше лодки, в этот момент увидел улыбку на лице своего господина. Это была улыбка, полная безумия, искажения и злобы. Она заставила его содрогнуться. Он давно не видел, чтобы его господин так улыбался. Последний раз это было,

когда он разорвал своих родителей на части.

Страшно. Человек с флейтой поспешно отвернулся, делая вид, что никогда не видел этой безумной улыбки.

Чао Минь уложил Е Юя на кровать в каюте. Сила золотого лотоса снова проявилась, обеспечив этому беспечному человеку хороший сон. Человек с флейтой, верный своему долгу, присел у кровати, а Чао Минь снова бесшумно исчез.

Увидев, что его господин снова отправился убивать, он скучающе уставился на Е Юя.

Этот парень, внешне не отличающийся ослепительной красотой. Характер — настолько глупый, что можно подумать, что он ударился головой. Боевые навыки — настолько плохие, что он даже не замечал, как близок был к демоническому искажению.

После тщательной оценки человек с флейтой снова схватился за голову, беспокоясь о выборе своего господина.

Чао Минь шагал по воде и вскоре оказался на берегу. Он был один, так как его спутник остался с Е Юем. Он двинулся вперёд, одинокий. Впереди были горы Куньлунь, их далёкие вершины едва виднелись в облаках. Его привычная одежда из грубой ткани была заменена на купленную на рынке. Одежда была не по размеру, но он не придавал этому значения.

Для него было важно только то, что он чувствовал. Если он был счастлив, то мог быть счастлив даже без одежды. Если нет, то даже лучшая одежда, самый изысканный вино и убийство сильнейшего врага не могли его обрадовать. Е Юй всегда делал его счастливым, поэтому он был терпим ко всему, что касалось его.

Менее чем через четверть часа Чао Минь оказался у маленького павильона на берегу. Павильон выглядел необычно. Просто четыре столба, поддерживающие крышу, перед водой и длинной дорогой, ведущей к горам Куньлунь, до которых можно было добраться за два дня на лошади.

В павильоне стояла доска для игры в го, рядом с ней горел одинокий фонарь. На доске чёрные и белые камни уже начали сражение, их хаотичное расположение создавало игру света и тени. Фонарь качался на ветру, но не гас.

Под фонарём сидел старик в соломенной шляпе, ссутулившийся, руки спрятаны в рукавах. Он внимательно смотрел на доску, настолько внимательно, что чуть не заснул. Чао Минь с любопытством подошёл и взглянул на доску. Это была партия, которую он начал с Люйсяо-цзы в школе Дунсянь.

Тогда игра была равной, но после смерти Люйсяо-цзы он выиграл. Однако в тот момент, когда

Е Юй проснулся, доска ожила, и исход снова стал неопределённым.

— Я долго смотрел, но не знал, как сделать ход. Потом понял, что мне не хватает партнёра, — старик не поднял глаз, лишь сутуло сидел, болтая как о чём-то обыденном. — Поэтому я ночью спустился с горы с доской, и ты — первый, кого я встретил. Как думаешь, какой ход здесь лучше сделать?

Чао Минь улыбнулся. Его улыбка была чистой и невинной, лицо юноши казалось безобидным, словно он был вечным ребёнком, не знающим мира.

<http://bllate.org/book/15304/1352588>